

УДК 159.9

Особенности духовного кризиса в контексте базовых бытийных переживаний в Южной и Северной Осетии

Султанова Зарина Вячеславовна

Кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник отдела традиционной культуры и фольклора,
Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания,
362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 46;
e-mail: z_sultanova@mail.ru

Габулова Индира Мелитоновна

Старший преподаватель,
кафедра педагогики и психологии,
Юго-Осетинский государственный университет,
500200, Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. Московская, 8;
e-mail: indi55@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках международного научно-исследовательского проекта РФФИ и МОНРЮО «Психологические детерминанты жизнедеятельности современных осетин», проект № 16-26-13003-ОГН.

Аннотация

В статье представлены результаты исследования природы духовного кризиса в Южной Осетии и Северной Осетии. Наряду со схожестью, авторы обозначают специфику духовного «расстройства» в регионах. На юге присутствует тенденция к уединению и склонность отдаляться от социального успеха. Здесь присутствует дефицит свежих впечатлений. Духовный кризис зачастую связан с материальными затруднениями. От психологического благополучия южан отделяет неверие в возможность счастья и чувство одиночества. На севере духовные переживания сопровождаются уединением, сосредоточенностью на собственном состоянии и устойчивой потребностью в свободе. Отвлекаться от переживаний северяне склонны в тесных эмоциональных отношениях или поглощающей деятельности. Прогрессирующий духовный кризис здесь подкрепляется пассивной жизненной позицией и ослаблением ответственности за жизненные ситуации. Ответственность на севере имеет более негативный контекст, и чаще является источником духовного кризиса, чем на юге.

Для цитирования в научных исследованиях

Султанова З.В., Габулова И.М. Особенности духовного кризиса в контексте базовых бытийных переживаний в Южной и Северной Осетии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 6А. С. 138-145.

Ключевые слова

Духовный кризис, северные осетины, южные осетины, ответственность, свобода, базовые бытийные переживания.

Введение

Ранее нами были исследованы психологические аспекты базовых бытийных переживаний южных и северных осетин, представленные такими экзистенциальными категориями, как ответственность, свобода, неудовлетворенность, грех, страх смерти, страдание, одиночество, бессмысленность [Султанова, Габулова, 2018]. Описание исследования изложено в предыдущей публикации по обсуждаемой теме [Султанова, 2017].

В психологической науке нет общепринятого определения понятия «духовный кризис». Авторы использованного нами инструментария рассматривают духовный кризис как психоэмоциональное состояние, возникающее из-за продолжительного лишения или ограничения возможности удовлетворения базовых потребностей личности; как переживание утраты бытийной основы существования, которое возникает в ответ на эмоциональную реакцию относительно индивидуально значимого события [Восковская (Шутова), Ляшук, 2005]. Духовный кризис является неотъемлемой составляющей человеческой жизни, критическим и переходным этапом психологического состояния личности, который приводит к внутреннему преобразению и духовному развитию. Он может быть связан с такими состояниями как: одиночество, страх, страдание, бессмысленность, беспомощность, резкие перемены (потеря близких, семьи, здоровья, состояния, работы) и др. [Шутова, Ляшук, 2008].

На основании субъективных оценок данных категорий в прошлом, настоящем и будущем мы диагностировали динамику кризисных состояний в Северной и Южной Осетии. Было выявлено, что треть осетин (32,4%) на севере и юге испытывают разочарование от жизни, находясь на пике духовного кризиса, и переживают утрату бытийной основы существования, т.е. нарушен процесс поиска сакрального [Восковская (Шутова), Ляшук, 2005]. Данный факт актуализирует установление природы духовного кризиса в Осетии, южной и северной ее частях, на основании выявления его связи с другими детерминантами жизнедеятельности. Среди них: жизненные ориентации, реализуемые в виде стратегий осуществления жизнедеятельности, их ценностно-смысловое содержание, базовые жизненные переживания, особенности рефлексии собственной жизни, тенденции духовной жизни.

Результаты исследования

Рассмотрим показатели, с которыми связан духовный кризис. Количественный анализ указывает на отсутствие зависимости от основных детерминант жизнедеятельности – жизненных ориентаций. Среди их компонентов выделяют: активность жизненной позиции, освоение внутреннего или внешнего мира, подвижность или инертность, внутренняя изменчивость или стабильность, внутренний или внешний локус контроля, а также творческая или стереотипная позиция при взаимодействии с жизненными ситуациями [Коржова, 2006, 2002].

Что касается смыслов жизни, то на юге Осетии духовный кризис часто сопровождается отрицанием того, чтобы «...делать добро» ($r=0,23$ при $p=0,014$) и «...сделать хорошую карьеру»

($r=0,23$ при $p=0,017$). Кроме того он в большей степени положительно связан со смыслом жизни «..получать как можно больше ощущений и переживаний» ($r=-0,20$ при $p=0,030$). В то время как у северян духовный кризис зачастую связан только со стремлением быть свободным ($r=-0,23$ при $p=0,009$). Знак минус в данном случае свидетельствует о положительной связи и наоборот, поскольку баллы отражают иерархию смыслов жизни.

Из базовых ценностей духовное «расстройство» на юге связано со значимостью материально обеспеченной жизни ($r=0,21$; $p=0,02$), внутренним вакуумом в сфере «интересная работа», а также труднодостижимостью «наличия хороших и верных друзей» ($r=-0,24$; $p=0,012$). Тема друзей является устойчивой проблемной, и на севере. К тому же она здесь она более интенсивна ($r=-0,23$; $p=0,009$).

У северян практически каждое из базовых переживаний, может явиться источником духовного кризиса: страх смерти ($r=0,53$ при $p=0,0001$), страдание ($r=0,70$ при $p=0,0001$), одиночество ($r=0,67$ при $p=0,0001$), бессмысленность ($r=0,54$ при $p=0,0001$), ответственность ($r=0,26$ при $p=0,003$), неудовлетворенность ($r=0,58$ при $p=0,0001$), грех ($r=0,45$ при $p=0,0001$), в меньшей степени свобода ($r=0,18$ при $p=0,04$). На юге Осетии связи во многом схожи. Лишь переживание *ответственности* ($p=0,54$) выпадает из ряда потенциальных факторов, провоцирующих духовный кризис. *Свобода* же, наоборот, теснее связана с духовным кризисом ($r=0,32$ при $p=0,0001$).

На юге Осетии духовный кризис не чувствителен ни к особенностям рефлексии, ни к самотрансцендентности. На севере респонденты с прогрессирующим духовным кризисом обнаруживают такой тип рефлексии, как интроспекция ($r=0,29$ при $p=0,001$), то есть они сосредоточены на собственном состоянии, собственных переживаниях. Кроме того, переживающие депривацию (утрату бытийной основы существования) на севере склонны к самозабывчивости ($r=0,23$ при $p=0,010$), то есть тяготеют к трансцендированию (расширению) границ своего «Я» в ситуации тесных эмоциональных отношений или поглощающей их деятельности.

Количественный анализ также позволил сформулировать усредненный психологический портрет представителей Северной и Южной Осетии, переживающих прогрессирующий духовный кризис.

На юге Осетии духовный кризис может быть проявлен как у мужчин, так и у женщин (значимых различий по полу не выявлено). Они хотели бы получать как можно больше ощущений и переживаний в жизни. Здесь также склоны отдаляться от некоторых составляющих как альтруизма, так и карьеризма. В частности, от того, чтобы «...делать добро», чтобы «..сделать хорошую карьеру» и даже от «интересной работы». Наряду с этим, они высоко ценят материально обеспеченную жизнь, предполагающую отсутствие материальных затруднений.

На севере Осетии с одинаковой вероятностью духовное «расстройство» может быть обнаружено как мужчин, так и женщин. Их доминирующим смыслом жизни является высокая потребность быть свободными. Наличие хороших и верных друзей является для них зачастую труднодостижимой ценностью. Они склонны к самокопанию, то есть сосредоточены на собственном состоянии, собственных переживаниях. Кроме того, тяготеют к трансцендированию (расширению) границ своего «Я» в ситуации тесных эмоциональных отношений или поглощающей их деятельности.

Как видим, и на севере, и на юге Осетии переживание духовного кризиса не связано с базовыми особенностями жизнеосуществления и с одинаковой частотой встречается как среди мужчин, так и женщин. Приоритетным может оказаться почти любой набор ценностей –

значимых и достижимых, а также их конфликт. Лишь наличие верных друзей является стабильно актуальной и на севере и юге. Духовный кризис может быть реакцией почти на все базовые переживания: свобода, неудовлетворенность, грех, страх смерти, страдание, одиночество, бессмысленность. Среди переживающих духовное «расстройство» могут встретиться как индивиды, чувствующие единство со Вселенной, так и те, кто не чувствует сопричастность ко всему происходящему в мире. Для них возможно, как верить в чудеса и мистическую силу суеверий, так и быть убежденными материалистами. И на севере, и на юге индивиды с прогрессирующим духовным кризисом склонны уединяться.

Незначительная специфика состоит в том, что на севере уединение сопровождается сосредоточенностью на собственном негативном состоянии. Отвлекаться от переживаний северяне склонны в тесных эмоциональных отношениях или поглощающей деятельности и личной свободе. На юге уединение более дифференцировано – оно связано со склонностью отдаляться от социального успеха. Здесь присутствует дефицит свежих впечатлений. Негативные переживания часто связаны с материальными затруднениями. Ответственность не является для них тяжелым бременем, в отличие от северян.

Полагаем, что ответственность на севере имеет более негативный контекст и чаще является источником духовного кризиса, чем на юге.

В психологической литературе ответственность рассматривается как форма саморегуляции и самодетерминации, специфическая для зрелой личности, выражающаяся в осознании себя как причины совершаемых поступков и их последствий и в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни [Калитеевская, Леонтьев, 2006]. Другой стороной ответственности является локус контроля – склонность человека видеть причины происходящих с ним событий в самом себе, либо во внешних факторах. Феномен ответственности рассматривается в экзистенциальной психологии, в частности, в работах В. Франкла, который рассматривает ответственность как один из «экзистенциалов» человеческого существования, наряду со свободой и духовностью [Франкл, 1990].

Конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности представляет собой наиболее мощную мотивационную силу в жизни людей, утверждал Э. Фромм. Дихотомия свобода-безопасность, этот универсальный и неизбежный факт природы человека, обусловлен экзистенциальными потребностями. [Фромм, 2018].

Полагаем, что тот факт, что в нашем исследовании *свобода* и *ответственность* являются приоритетными и доминирующими жизненными переживаниями из всех базовых, имеет общечеловеческие предпосылки, но усилен этнической спецификой, заключающейся в сложных экономических и социально-политических условиях существования [Султанова, 2011].

Наряду с духовным кризисом в Осетии широкое распространение имеет и экзистенциальный вакуум. К тому же они тесно связаны между собой и во многом имеют схожую природу ($r=0,89$ $p= 0,0001$). Экзистенциальный вакуум характеризуется внутренней пустотой, которое испытывает человек, потерявший все цели своей жизни и не видящий смысла своего существования. Франкл В. описал это как «переживание пропасти», то есть человек оказывается в бездне бессмысленности существования, переживая экзистенциальный кризис самой серьезной формы. Это ощущение бессмысленности и пустоты является одним из феноменов рассматриваемым в данной статье. Экзистенциальный вакуум по В. Франклу, проявляется по той причине, что традиции, ценности и соглашения современного общества не могут указать человеку верный ориентир. Прошлое мироустройство сильно отличалось от

современного: существовали четкие системы ценностей, гласные и негласные соглашения, а также многовековые традиции, которых человек должен был придерживаться, у него всегда были образец и цель в жизни. В течение последних десятилетий, все это сильно ослабло. Соответственно, человек оказывается в экзистенциальном вакууме и не может принимать самостоятельные решения. Это является очень опасным состоянием, так как зачастую, может стать причиной серьезных психических заболеваний и негативно сказаться на всех сферах жизни человека (Франкл). Вышеизложенное, вероятно, может объяснить, подорванное чувство безопасности в обществе и на юге, и на севере Осетии, в связи с недавними военными событиями на территории Южной Осетии – в 2008 г., в результате которых, образовался экзистенциальный вакуум у южных осетин, а северные осетины спроецировали на собственное состояние социально-политические изменения жизни субэтноса.

Для того, чтобы углубить понимание духовного «расстройства», мы осуществили сравнение респондентов с прогрессирующим и регрессирующим кризисом по Южной и Северной Осетии соответственно.

Различия у осетин с прогрессирующим и регрессирующим духовным кризисом в Южной Осетии. Их отличает то, что при духовном кризисе, в смыслах жизни люди реже настроены на «..испытание счастья» ($p=0,01$). Они высоко ценят здоровье ($p=0,031$), и значительно чаще считают его труднодостижимым, что вызывает внутренний конфликт ($p=0,009$). То есть здесь выражен явный разрыв между потребностью в оздоровлении и возможностью его достижения в реальности. Кроме того, они чаще переживают одиночество ($p=0,047$) и реже берут на себя ответственность ($p=0,018$).

Различия с прогрессирующим и регрессирующим духовным кризисом в Северной Осетии. Рост вероятности духовного кризиса здесь сопровождается менее активной ($p=0,034$) жизненной позицией и понижением субъективного контроля над жизненными ситуациями ($p=0,06$). При прогрессирующем кризисе индивиды реже настроены на смыслы жизни, связанные с «..получением удовольствий» ($p=0,023$). Ценность здоровья является для них устойчиво уязвимой ($p=0,032$). Они не только считают ее труднодостижимой, но она вызывает у них внутренний конфликт ($p=0,006$), то есть присутствует разрыв между потребностью в здоровье и ее удовлетворении. Их переживания реже связаны с ответственностью ($p=0,039$).

Полагаем, что различия прогрессирующей и регрессирующей тенденций кризиса на севере и юге в большей степени схожи. В обоих регионах от психологического благополучия людей с прогрессирующим духовным кризисом отделяет высокая потребность и труднодостижимость оздоровления. Ухудшение духовного состояния притупляет переживания, связанные с ответственностью. Специфика регионов в том, что *на севере* духовный кризис подкрепляется пассивной жизненной позицией и ослаблением ответственности за жизненные ситуации. Возможно, у северян духовный кризис способствует своего рода «уходу» от гиперответственности. *На юге* Осетии люди, находясь в состоянии духовного кризиса, реже устремлены к счастью. Они значительно чаще переживают чувство одиночества.

Во многом схожесть духовных переживаний, на наш взгляд, прежде всего, связана с единым этническим сознанием населения двух Осетий. Национальное сознание в этнопсихологии понимается как сложная совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских и религиозных взглядов и убеждений этноса, которые отображают определенный уровень ее духовного развития.

Для подлинного понимания любого этноса необходима осведомленность в области его этногенеза, создающего многие аспекты сознания, духовности, идеологии, нравственности, мотивации поведения, и т.д. [Хадикова, 2003]. По нашему мнению, именно единое

национальное сознание явилось причиной отсутствия значимых различий в восприятии между респондентами севера и юга Осетии.

Заключение

Вышеизложенное подтверждает и уточняет результаты прошлого этапа исследования о том, что духовный кризис равновероятен в северной и южной частях Осетии. На основании приведенных в данной статье данных полагаем, что природа духовного кризиса на севере и юге Осетии преимущественно схожа. В обоих регионах от психологического благополучия людей с прогрессирующим духовным кризисом отделяет высокая потребность и труднодостижимость оздоровления, а также «уход» от ответственности.

Наряду с тем присутствует в них и своя специфика. *На юге* уединение более дифференцировано – оно связано со склонностью отдаляться от социального успеха. Здесь присутствует дефицит свежих впечатлений. Духовное «расстройство» часто связано с материальными затруднениями. От психологического благополучия их отделяет неверие в возможность счастья и чувство одиночества.

На севере духовные переживания сопровождаются уединением, сосредоточенностью на собственном состоянии. У них устойчива потребность в свободе. Отвлекаться от переживаний северяне склонны в тесных эмоциональных отношениях или поглощающей деятельности. Прогрессирующий духовный кризис здесь подкрепляется пассивной жизненной позицией и ослаблением ответственности за жизненные ситуации. Возможно, у северян духовный кризис способствует своего рода «уходу» от гиперответственности.

Полагаем, что ответственность на севере имеет более негативный контекст, и чаще является источником духовного кризиса, чем на юге. Тот факт, что в нашем исследовании *свобода и ответственность* являются приоритетными и доминирующими жизненными переживаниями из всех базовых, имеет общечеловеческие предпосылки, но усилен этнической спецификой, заключающейся в сложных экономических и социально-политических условиях существования.

Кризис – это переосмысление жизни, возможность за короткое время получить качественный скачок и радикальные изменения и разрушить установки, привычки, ограничивающие наше развитие. Только это дает шанс перейти на более высокую ступень развития. Когда наше мировоззрение рухнуло, из-под него вырывается экзистенциальная тревога - четыре самых сильных страха нашего существования – это смерть, свобода, одиночество и бессмысленность. Эти обстоятельства в совокупности побуждают нас быстро искать новые смыслы. Кризис повышает осознанность. Подталкивает нас к выбору новых жизненных стратегий.

Особенность духовного кризиса состоит в том, что он посягает на самую основу нашего бытия. Когда мы теряем свою мировоззренческую основу, перестаем понимать смысл жизни, кризис просто помогает нам очистить наше понимание от всех предрассудков, чужих или собственных иллюзорных мнений, которые затмили наш смысл так, что он перестал нас вдохновлять. Именно поэтому, кризис это – переосмысление основ жизни для перехода на более высокую ступень развития.

Библиография

1. Восковская (Шутова) Л.В., Ляшук А.В. Духовный кризис: проблемы определения и диагностики // Психологическая диагностика. 2005. №1. С. 51-57.

2. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 49-55.
3. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Союз, 2002. 334 с.
4. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб., 2006. 384 с.
5. Султанова З.В., Габулова И.М. Психологические аспекты базовых бытийных переживаний южных и северных осетин // Мир науки, культуры, образования. 2018. №1 (68). С. 342-345.
6. Султанова З.В. Исследование психотравмированности южных и северных осетин // Исследование и проектирование в социальной работе: теория и практика. Материалы V заочной международной научно-практической конференции. Омск, 2011. С. 178-184.
7. Султанова З.В. Психологические составляющие жизнедеятельности современных осетин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. №6. С. 32-42.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2018. 288 с.
10. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003. С. 132-150.
11. Шутова Л.В., Ляшук А.В. Методика «Духовный кризис» // Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях. СПб., 2008. С. 222-224.

Features of the spiritual crisis in the context of basic existential experiences in South and North Ossetia

Zarina V. Sultanova

PhD in Psychology,
Senior Researcher of the Department of Traditional Culture and Folklore,
Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania,
362025, 46, Vatutina st., Vladikavkaz, Russian Federation;
e-mail: z_sultanova@mail.ru

Indira M. Gabulova

Senior Lecturer,
Department of Pedagogy and Psychology,
South Ossetian State University,
500200, 8, Moskovskaya st., Tskhinval, Republic of South Ossetia;
e-mail: indi55@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the study of the nature of the spiritual crisis in South Ossetia and North Ossetia. Along with the similarity, the authors indicate the specifics of the spiritual disorder in the regions. In the South, there is a tendency towards seclusion and a tendency to move away from social success. There is a shortage of fresh impressions. Spiritual crisis is often associated with material difficulties. From the psychological well-being of southerners separates disbelief in the possibility of happiness and a sense of loneliness. In the North, spiritual experiences are accompanied by seclusion, concentration on one's own condition and a steady need for freedom. To escape from the feelings northerners tend in close emotional relationships or absorptive activities. The progressive spiritual crisis is supported by a passive life position and a weakening of responsibility for life situations. Responsibility in the North has a more negative context and is more often a source of spiritual crisis than in the South. The above confirms and clarifies the results of the

last stage of the study that the spiritual crisis is equally probable in the northern and southern parts of Ossetia. Based on the data provided in this article, we believe that the nature of the spiritual crisis in the north and south of Ossetia is predominantly similar. In both regions, the high need and hard-to-reach recovery, as well as the escape from responsibility, separate the psychological well-being of people with a progressive spiritual crisis in both regions.

For citation

Sultanova Z.V., Gabulova I.M. (2018) Osobennosti dukhovnogo krizisa v kontekste bazovykh bytiinykh perezhivaniy v Yuzhnoi i Severnoi Osetii [Features of the spiritual crisis in the context of basic existential experiences in South and North Ossetia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (6A), pp. 138-145.

Keywords

Spiritual crisis, North Ossetians, South Ossetians, responsibility, freedom, basic existential experiences.

References

1. Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress Publ.
2. Fromm E. (2018) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow: AST Publ.
3. Kaliteevskaya E.R., Leont'ev D.A. (2006) Puti stanovleniya samodeterminatsii lichnosti v podrostkovom vozraste [Ways of developing self-determination of personality in adolescence]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 3, pp. 49-55.
4. Khadikova A.Kh. (2003) *Traditsionnyi etiket osetin* [Traditional Ossetian etiquette]. St. Petersburg.
5. Korzhova E.Yu. (2002) *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychology of life orientations of a person]. St. Petersburg: Soyuz Publ.
6. Korzhova E.Yu. (2006) *Psikhologiya zhiznennykh orientatsii cheloveka* [Psychology of life orientations of a person]. St. Petersburg.
7. Shutova L.V., Lyashuk A.V. (2008) Metodika «Dukhovnyi krizis» [“Spiritual Crisis” Technique]. In: *Tekhnologii psikhologicheskoi pomoshchi v krizisnykh i chrezvychaynykh situatsiyakh* [Technologies of psychological assistance in crisis and emergency situations]. St. Petersburg.
8. Sultanova Z.V., Gabulova I.M. (2018) Psikhologicheskie aspekty bazovykh bytiinykh perezhivaniy yuzhnykh i severnykh osetin [Psychological aspects of basic existential experiences of the South and North Ossetians]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 1 (68), pp. 342-345.
9. Sultanova Z.V. (2011) Issledovanie psikhotravmirovannosti yuzhnykh i severnykh osetin [The study of psychotraumatized South and North Ossetians]. In: *Issledovanie i proektirovanie v sotsial'noi rabote: teoriya i praktika. Materialy V zaochnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Research and design in social work: theory and practice. Proceedings of the V correspondence international scientific-practical conference]. Omsk.
10. Sultanova Z.V. (2018) Psikhologicheskie sostavlyayushchie zhiznedeyatel'nosti sovremennykh osetin [Psychological components of the life of modern Ossetians]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6, pp. 32-42.
11. Voskovskaya (Shutova) L.V., Lyashuk A.V. (2005) Dukhovnyi krizis: problemy opredeleniya i diagnostiki [Spiritual Crisis: Problems of Definition and Diagnosis]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 1, pp. 51-57.